

Александр Зельгейм

Формула Крови

Александр Зельгейм

Формула Крови

«Автор»

2026

Зельгейм А.

Формула Крови / А. Зельгейм — «Автор», 2026

Белогорье — город на семи холмах, где маги правят с парящих в воздухе башен, а алхимики варят зелья в закопчённых кварталах. Между ними — вековая вражда, готовая вылиться в войну. Ратибор Громов — старший брат, маг, изгой в собственной семье. Он выбрал престиж и магическую мантию, оставив отца-алхимика и младшего брата. Ратмир — алхимик, озорной и непредсказуемый, живущий в лаборатории отца, копирующий его улыбку и его одержимость. Когда главу Алхимического круга убивают магией, оба брата становятся подозреваемыми. Чтобы спасти свои жизни, им придётся забыть десятилетнюю обиду и работать вместе. Но чем глубже они копают, тем страшнее правда: их отец был не просто учёным, он создал формулу, способную уничтожить магию навсегда. И теперь за ней охотятся все — от старейшин Совета до таинственного убийцы в железной маске. «Формула крови» — это детективно-приключенческое фэнтези в декорациях древней урбанистической Руси, где алхимия и магия делят город, а братские узы сильнее любой вражды.

© Зельгейм А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Книга первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Александр Зельгейм

Формула Крови

Книга первая

ПРОЛОГ

Тишина в багровых тонах

Город Белогорье никогда не спал по-настоящему. Он только затихал, притворяясь уставшим, а сам жадно слушал ночные звуки: скрип телег на Вороньей площади, пьяный смех из кабака «Рога и копыта», шипение уличных фонарей-светлячков, которые умирали на рассвете.

Но в эту ночь город слушал кое-что другое.

Взрыв.

Он родился не на улице, а глубоко в недрах Алхимического квартала — в личной лаборатории главы Второго Круга, Буяна Громова. Звук был не громким, а каким-то **влажным**, будто лопнул огромный пузырь. И сразу вслед за этим — запах. Озон, жжёное серебро и сладковатая горечь человеческой плоти.

Ратмир Громов, младший сын Буяна, стоял на коленях в луже из винного спирта и разбитой сулемы. Он прибежал первым, потому что жил в соседнем флигеле и спал, не раздеваясь, — привычка алхимика, который вечно ждёт, пока реакция пойдёт не так.

Но сейчас «не так» пошло абсолютно всё.

Печь была разорвана изнутри. Свинцовые пластины на стенах оплавилась и текли вниз, как слёзы. Руны на потолке, выписанные кровью виверны, были перечёркнуты чужеродным знаком — магическим, стихийным. Ратмир знал этот росчерк, он учил его в детстве, стоя за спиной брата.

Удар молнии. Первый Круг.

— Пап... — сипло выдохнул он, разрывая спекшиеся стеклянные осколки.

Отец лежал у разрушенного алтаря. У него не было лица. Вернее, оно было, но теперь напоминало восковую маску, которая слишком долго пролежала у огня. Однако Ратмир посмотрел не на лицо. Он посмотрел на **руки**.

Руки отца сжимали пустую пробирку. Эту пробирку не могли сделать маги — в ней ещё теплился зеленоватый осадок, особый состав, который умел варить только Буян. Состав, который превращал мёртвую магию в живую энергию для бесплодных семей Первого Круга.

— Ты нашёл способ... — прошептал Ратмир. — Ты всё-таки сделал это. И они тебя за это убили.

Он не заплакал. Вместо этого он порывисто сгрёб в мешочек несколько осколков с осадком, вытер окровавленные пальцы о фартук и услышал за спиной шаги. Тяжёлые, церемонные, с лязгом шпор городской стражи.

Но вместе с ними — другой шаг. Беззвучный, мягкий, но узнаваемый до дрожи в коленях.

Ратмир обернулся.

В дверях, в идеально чистом, расшитом серебром плаще, стоял его старший брат. Ратибор. Сова на плече. Студёная маска на лице. Он даже не запыхался, когда поднимался в гору — наверное, использовал левитацию. Как всегда, сэкономил силы, чтобы не вспотеть.

— Ты опоздал, — сказал Ратмир, кивая на отца. — На десять лет и на одну ночь.

Ратибор не ответил на укол. Он переступил порог, и воздух в лаборатории вздрогнул — его собственная магия сбивала чужие заклинания, гася остаточное свечение. Он был сильным. Очень сильным. Таким сильным, каким, по мнению Первого Круга, не имел права быть сын алхимика.

— Скажи мне, брат, — Ратибор говорил ровно, почти шёпотом, но в этом шёпоте звенела сталь. — Ты видел, кто это сделал? Ты видел *его*?

Ратмир сплюнул кровавый сгусток на пол и усмехнулся своей фирменной, озорной усмешкой — той, которую Ратибор ненавидел больше всего, потому что она была точь-в-точь как у отца.

— Видел. И ты видел, — он ткнул грязным пальцем в грудь брата, оставляя на серебряном шитье бурое пятно. — Ты видишь его каждое утро в своём магическом зеркале, когда поправляешь воротничок. Это твоя новая семья, Ратибор. Они убили старую.

За их спинами, где-то далеко, загудел городской колокол. Набат.

Между Первым и Вторым Кругами запахло войной.

И только двое братьев, которые презирали друг друга, могли остановить эту бойню.

Или разжечь её до последней искры.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПЕПЕЛ И СЕРЕБРО

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ПРИКАЗ

Белогорье просыпалось в сырости. Серый туман стелился по мостовым, облизывая копыта лошадей и подолы плащей. Соборная площадь ещё спала, но в Кремле — белокаменном сердце города, парящем над холмами на рунических опорах, — свечи горели всю ночь.

Ратибор Громов стоял перед массивными дубовыми дверями залы Совета и смотрел на свои руки. Ладони были сухими, но он чувствовал под ногтями вьёвшуюся гарь — он не спал, разбирал архивы в надежде найти хоть одну зацепку до того, как его вызовут. Не нашёл. Отец был мёртв уже двенадцать часов, а Ратибор всё ещё не знал, кто его убил. Знал только, что пахнет войной.

На его плече, цепляясь когтями за серебряную вышивку плаща, сидел ворон Шелест. Он недовольно ворочал головой, то и дело каркая — птица не любила запах ладана, который просачивался из-за дверей Совета. Ратибор протянул руку и провёл пальцами по чёрному оперению, успокаивая фамильяра.

— Тихо, Шелест, — шепнул он. — Веди себя прилично.

Ворон каркнул в ответ, но замолчал, уткнувшись клювом в воротник хозяина.

Двери открылись без скрипа — магия. Внутри стоял густой запах ладана и старого пергамента. Три старейшины Первого Круга сидели за столом из чёрного дуба, их лица скрывали тени, хотя кристаллы на потолке давали белый свет. По центру стола лежала **пробирка с зеленоватым осадком** — Ратибор узнал её сразу. Это был тот самый состав, который его отец, Буян Громов, разрабатывал последние пять лет. Превращал бесплодную магию в живую. Эликсир, за который Первый Круг готов был убить.

— Ты знаешь, зачем мы тебя позвали, Громов, — голос старейшины Варнавы был похож на скрип несмазанного колеса.

Ратибор поклонился, как учили. Чуть ниже, чем требовал этикет, — чтобы не казаться высокомерным.

— Смерть моего отца, Владыка.

— Не просто смерть. Убийство, — Варнава ткнул костлявым пальцем в пробирку. — Этот состав был найден в его лаборатории. Мы провели анализ. Он... опасен. И запрещён. Твой отец был еретиком, Ратибор. Ты это знал?

Ратибор не моргнул. Он знал, что они лгут. Он сам видел лабораторию отца через час после взрыва — там не было этой пробирки. Её подкинули. Но сказать это сейчас — значит подписать себе приговор. Шелест на его плече напрягся, но промолчал, чувствуя настроение хозяина. Ратибор выдержал паузу, позволив себе взгляд «раскаяния».

— Мой отец всегда был одержим идеями, Владыка. Я не следил за его работой. Я ушёл в магию десять лет назад, и мы почти не общались.

Он говорил правду. И это была самая острая ложь, потому что он скрывал главное: он знал о формуле, он видел чертежи, он даже помогал отцу в юности. И теперь носил эту тайну, как камень в груди.

Варнава переглянулся с двумя другими старейшинами. Те кивнули.

— Ты — единственный маг, чья семья связана с этим делом, — продолжил Варнава. — Мы поручаем тебе расследование. Найди убийцу-алхимика. Докажи, что Второй Круг виновен. Собери улики. И тогда мы поощрим твою фамилию. Ты понял?

Ратибор понял. Они давали ему шанс спасти себя, предав память отца. Если он согласится, он станет их орудием. Если откажется — его объявят соучастником.

Он посмотрел на пробирку. В зеленоватой жидкости плавали крошечные искры — алмазная пыль. Та самая, что маги используют для снятия маскировочных чар. Но отец никогда не использовал алмазы — он предпочитал рубин. Значит, пробирка была изготовлена не в лаборатории отца. И это был **второй слой лжи** — старейшины не просто подкинули улику, они подкинули неверную улику. Но зачем?

— Я приму задание, Владыка, — сказал Ратибор, кланяясь ещё ниже. — Но я прошу разрешения допрашивать и магов, и алхимиков. Чтобы картина была полной.

Старейшины зашевелились. Один из них, молчаливый до этого, скрипнул креслом.

— Ты что, подозреваешь кого-то из Первого Круга? — спросил он с угрозой.

— Я никого не подозреваю, Владыка, — мягко ответил Ратибор. — Я просто ищу правду. Для вашего же блага.

Он знал, что эта фраза — самая опасная из возможных, но именно она давала ему пространство для манёвра. Старейшины обменялись взглядами. Варнава махнул рукой.

— Делай как знаешь. Но если ты предашь нас — мы предадим твой род к проклятию. Ты понял?

— Я понял, — ответил Ратибор и вышел, не взяв пробирку. Он её запомнил. Зелёный цвет, алмазная пыль — это была не улика, это была **подпись**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.